

РЕСТОРАННАЯ ДРОБЬ

ВАСИЛИЙ КОРЕЦКИЙ О ФИЛЬМЕ АКИ КАУРИСМЯКИ «ПО ТУ СТОРОНУ НАДЕЖДЫ». В ПРОКАТ ВЫХОДИТ ФИЛЬМ АКИ КАУРИСМЯКИ, ПОЛУЧИВШИЙ «СЕРЕБРЯНОГО МЕДВЕДЯ» ЗА ЛУЧШУЮ РЕЖИССУРУ НА БЕРЛИНСКОМ КИНОФЕСТИВАЛЕ (ХОТЯ КРИТИКИ В ОДИН ГОЛОС ПРЕДРЕКАЛИ ЕМУ ГРАН-ПРИ). «ПО ТУ СТОРОНУ НАДЕЖДЫ» ЗАКАНЧИВАЕТ РАЗМЫШЛЕНИЯ РЕЖИССЕРА ОБ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОМ БРАТСТВЕ ИЗГОВЕВ И ПРОТИВОСТОЯЩЕМ ЕМУ ЗЛЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ — ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ В БЕРЛИНЕ КАУРИСМЯКИ ОБЪЯВИЛ ОБ УХОДЕ ИЗ РЕЖИССУРЫ. («Ъ-WEEKEND» № 41 ОТ 01.12.2017)

Немолодой грузный коммивояжер Вольдемар больше не в силах выносить пьющую жену — оставив ей все, кроме гаража и ретроавтомобиля, символа былого процветания, он выходит в ночь. Из ночи же является в Хельсинки черный, как негр из расистских мюзиклов, беженец Халед. Только его чернота — лишь угольная пыль: прибывший на барже из Германии, Халед на самом деле выглядит как латиноамериканский герой-любовник. Но его единственная любовь на земле — это сестра, потерявшаяся где-то в палаточных лагерях на окраинах Евросоюза. В этой истории есть и другие обитатели сумерек — работники захолустного кафе, месяцами не получающие зарплату, финские националисты в косухах, алкоголики, ноющие под мостами, мафиози, которые держат подпольное казино, беженцы, туристы, пожарные инспекторы и сотрудники санитарных служб. Вместе они играют спектакль о немногословном человеческом достоинстве — все ту же пьесу, которую режиссер Аки Кауризмаки из раза в раз ставит в своих фильмах, не боясь повториться.

Да, в новом фильме Кауризмаки все то же самое, что и в «Гавре», и в «Человеке без прошлого». Свою финальную работу (после окончания Берлинского кинофестиваля режиссер заявил о намерении уйти на покой; «портовая трилогия», второй частью которой стал новый фильм, видимо, так и останется незавершенной) Кауризмаки выполнил также без пафоса и надрыва, с той же неспешной невозмутимостью, с какой его герои всегда творят добро — не какое-то героическое, а простое, бытовое, повседневное, не лишенное строгости и спасительного сарказма. Эта бастер-китоновская (хотя, говоря о

фильмах Кауризмаки, критика обычно поминает Чаплина), неулыбчивая доброта всегда воспринималась нами, иностранными зрителями, как авторская пародия на финский характер. Но в «По ту сторону надежды» стало совершенно ясно, что это черта самого Кауризмаки-режиссера. Здесь он добивается такого же deadpan-исполнения и от сирийского актера Шервана Хаджи. Беженцы, «другие», ведут себя ровно так же, как и «свои», — потому что никаких «других» в мире Кауризмаки нет, а есть лишь интернациональное братство маргинализованных, частично исключенных из «большого общества людей». И этому братству, в общем, принадлежит почти каждый (кроме налоговиков, банкиров и санитарных инспекторов, конечно).

Но если добро в фильме Кауризмаки условно-универсально, то его антаго-

нисты — предельно конкретны. Сириец Халед прибывает в сравнительно (с восточными странами Евросоюза, где он был вынужден разлучиться с сестрой) благополучную Финляндию не по своей воле, но спасаясь от немецких ультра националистов. И точно такие же сторонники «Финляндии для финнов» едва не убивают его на новом месте. В Сирии его город равняют с землей самолеты конкретной страны — России (тут идет прямое включение теленовостей из Алеппо). В Финляндии ему отказывают в убежище конкретные институты, высылающие на родину в кратчайший период затишья (уже в день назначенной депортации Халеда бомбардировки возобновляются).

Четкость разделения этого мира на зловредное, мертвенно официозное, и живое, немного преступное, достигается и всей поэтикой фильма, снятого постоян-

ным оператором Кауризмаки Тимо Салминеном. Сверхконтрастное освещение — как в нуаре, сардонические физиономии, обилие ретродеталей, давно вышедших не то что из моды, но даже из употребления предметов. Каждый раз Кауризмаки говорит нам, что списанные вещи, как и списанные со счетов люди, — естественный заповедник человечности в постгуманистическом мире скорости и рациональности. И, как всегда, отдельным неисчерпаемым источником шуток становится у Кауризмаки погоня за экономической эффективностью. Купив на выигранные в покер деньги упадочный ресторанчик, Вольдемар начинает экспериментировать с маркетинговыми стратегиями — и тут нам показывают, как может быть смешон оригинальничающий ресторатор.

Но перенесенная в масштабы государства та же логика самоуверенного и некомпетентного стремления к рациональности уже не вызывает улыбки. Иммиграционные власти здесь существуют по той же логике мелкого бизнесмена, но распоряжаются они не рубашками и ящиками пива, а живыми людьми. И последствия этих распоряжений — лишающих героя последней надежды — приходится исправлять уже всему гражданскому обществу фильма, из рук в руки передающего гордого Халеда. Иногда кажется, что мы смотрим фильм о членах Сопротивления, прячущих в своих домах евреев, — все та же параллель с европейскими событиями 70-летней давности, которая внятно читалась и в «Гавре», где Кауризмаки прямо ссылался на «Набережную туманов» Карне. Тихое указание на то, что и, сбросив форму, история Европы по-прежнему то и дело сбивается на строевой шаг. ■

